

„Нѣмецъ все могитъ“.

(Изъ прошлыхъ курьезовъ германскаго засилья).

I. Облѣсеніе Кавказской линіи.

Почему-то у насъ сложилось издавна ни на чемъ не основанное убѣжденіе, что нѣмецъ, кто бы онъ ни былъ, „всякую науку превзошелъ, на все собаку съѣлъ, ёнъ все могитъ“. Цѣлыхъ два вѣка неизмѣнно держалось это убѣжденіе не только въ простомъ народѣ и торгово-промышленныхъ сферахъ; даже правительственныя власти всѣми мѣрами старались проводить его. Вслѣдствіе этого не разъ приходилось попадать намъ впросакъ и отдуваться своими карманами за излишнюю къ иностранцамъ довѣрчивость.

Почти во всѣхъ начинаніяхъ, сооруженіяхъ и культурныхъ устройствахъ мы никакъ не могли обойтись безъ того, чтобы не пригласить для руководительства работами заморскихъ инженеровъ, учителей, мастеровъ и даже подмастерьевъ. Но эти только на словахъ наши друзья,—на дѣлѣ являлись заклятыми недругами Россіи. Чаще всего къ намъ присылались неучи, которые и за границей были не нужны, а ежели пріѣзжали иногда въ „тароватую Московію“ за солидное вознагражденіе настоящіе мастера, то въ большинствѣ случаевъ они въ секретѣ держали свою „механику“ и не знакомили съ ней русскихъ рабочихъ. Бывали еще такіе, которые нарочно портили порученное дѣло, чтобы не лишиться доходности своихъ соотечественниковъ.

Особенно сильно началось наводненіе Россіи иноземцами разныхъ видовъ въ „счастливый“ вѣкъ Екатерины II, когда безъ

всякаго разбора совали германскихъ отпрысковъ чуть не во все задуманныя правительствомъ предпріятія, не справляясь съ тѣмъ,—въ состояніи ли они выполнить возлагаемыя на нихъ порученія.

Чтобы подтвердить это положеніе, не лишнимъ будетъ рассказать въ настоящее время два подобныхъ случая, имѣвшихъ мѣсто на далекой Кавказской окраинѣ, о которыхъ повѣствуютъ неизданные документы астраханскаго губернскаго архива.

Въ 1765 году, послѣ устройства на р. Терекѣ крѣпости Моздокской, былъ возбужденъ, не знаю кѣмъ, довольно грандіозный проектъ облѣсенія безводной Кизлярской степи, слишкомъ на 300 верстъ отдѣлявшей Кавказъ отъ центра тогдашняго его управленія, Астрахани, съ сооруженіемъ тамъ особой климатической станціи съ батаническимъ питомникомъ при ней, ради улучшенія среди казаковъ и туземныхъ поселенцевъ мѣстнаго садоводства, шелководской промышленности и винодѣлія. Мысль,—безспорно,—весьма важная и для края очень интересная;—только бѣда въ томъ, что взялись за нее не тѣмъ концомъ и не такими руками...

Не извѣстно, по чьей рекомендаціи, для устройства этого предпріятія былъ вызванъ изъ Германіи „ученый“ садоводъ Христіанъ Фридрихъ Людекъ (Lüdek). 27-го апрѣля этого же года, тайный совѣтникъ Кабинета Ея Величества графъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ заключилъ съ нимъ контрактъ срокомъ на пять лѣтъ, по которому пріѣзжій нѣмецъ обязался „развести между Астраханью и Кизляромъ разныхъ родовъ деревья, растенія и прочія плантаціи“, съ уплатой за то по 500 руб. ежегодно вознагражденія при казенной квартирѣ и отопленіи. Правительство, кромѣ того, согласилось выдать ему сейчасъ на его перѣздъ „съ фамиліею“ 80 руб. и такую же сумму по прошествіи обусловленнаго срока, „ежели на его мѣсто будетъ опредѣленъ другой или онъ, Людекъ, не захочетъ жить въ тамошнихъ мѣстахъ“.

По договору онъ долженъ былъ стараться, чтобы разводимыя имъ растенія исправно росли и чтобъ сѣмена, кусты и отпрыски, находящіеся въ его смотрѣніи, надлежащимъ способомъ одобряемы, прилежно охраняемы и пользовались по данному ему плану отъ главнаго садовника Императорскихъ садовъ Экледена“. Однако, хитрый нѣмецъ сдѣлалъ при этомъ такую курьезную оговорку: „если, по прошествіи пяти лѣтъ, онъ окажется явные опыты своего прилежанія, то наградить его прибавкой жалованья, а ежели нѣкоторыя его намѣренія желаемаго

успѣха имѣть не будутъ, то не причитать ему въ вину и не приписывать его нерадѣнію“.

Въ своемъ „краткомъ предувѣдомленіи о разведеніи лѣсу“, онъ увѣрялъ, что можетъ вездѣ развести растенія: „Никакая земля въ свѣтѣ худой нѣтъ, который не могла бы производить дровяного лѣсу, и для того только состоитъ, чтобъ принять хорошія мѣры и для произведенія онаго употребить самый лучшій способъ. Также не должно вдругъ устрашаться неудачнаго опыта, понѣже можно увѣряться, что малая ошибка сдѣлана“.

Конечно, никакихъ гарантій въ успѣшномъ выполненіи взятыхъ имъ на себя обязательствъ онъ не представилъ, да и представить не могъ, за исключеніемъ развѣ выданнаго какимъ-то мало-кому извѣстнымъ нѣмецкимъ же садовымъ заведеніемъ свидѣтельства въ его якобы солидныхъ знаніяхъ пріемовъ садоводства. Правительство, видимо, было такъ убѣждено въ его непогрѣшимой дѣеспособности, что никакого контроля надъ нимъ установлено не было, хотя въ ближайшей къ району его дѣйствій Астрахани еще со временъ Великаго Петра существовали садовая контора и училище садоводства.

Ему была предоставлена полная свобода какъ въ выборѣ мѣстностей подъ лѣсоразведеніе и способныхъ къ акклиматизаціи растеній, такъ и въ сооруженіи нужныхъ приспособленій на ассигнованный кредитъ. Подчинили его вѣдѣнію астраханскаго губернатора, „предъ коимъ онъ долженъ былъ отвѣтствовать“, но лишь въ дѣлахъ денежныхъ.

Прибывъ осенью того же года въ Астрахань, Людекъ загодя объявилъ послѣднему, что будетъ разводить на Кавказѣ иву, ольху, осину и тополевое дерево, но, объѣхавъ Кизлярскую степь и пограничную полосу, онъ съ ампломбомъ сталъ увѣрять въ письмѣ отъ 14 января: „Здѣшнія страны почти для всего удобны, земля свойственна для шелковичныхъ деревьевъ, для шафрана и хлопчатой бумаги. Также изрядно произрастать могутъ деревья персиковыя и абрикосовыя (хотя худого свойства), а лѣса наполнены дикими грушами, айвами, маслинами. И каперцовые кусты растутъ, хотя плодъ ихъ хуже европейскаго, но, разглагольствовалъ онъ, „можно ихъ сдѣлать легко равными иностраннымъ“.

Ученый лѣсоводъ находилъ возможнымъ развести на Кавказѣ также „хорошія, благовонныя и въ краску употребляемыя травы, особенно сорочинское пшено“ и собирался еще улучшить родившійся „въ великомъ множествѣ“ дикій виноградъ, удивляясь, однако, тому, что изъ растущаго по берегамъ Терека

винограда, гораздо худшаго качества противъ иностраннаго, кизлярскіе армяне и гребенскіе казаки приготовляли довольно хорошее вино. Но „ежели бы они старались къ разведенію хорошихъ сортовъ лозъ, то и вина были бы лучше, ни въ чемъ не уступая иностраннымъ, ибо лѣто здѣсь продолжается долѣе нѣмецкой земли“.

Однимъ словомъ, обозрѣвъ все поверхностно и не вникнувъ основательно въ экономическую жизнь края, Людекъ предвѣщалъ ему великую будущность, хотѣлъ сразу обогатить его и привести скоро и легко въ самое отлѣнное цвѣтущее состояніе. Но для этого, говорилъ онъ, нужны только три важныя обстоятельства: „въ предосторожность прекращенія и истребленія всѣхъ препятствій, довольно число рабочихъ людей, хорошихъ мастеровъ и заводчиковъ и довольно число денегъ“.

О послѣднемъ вопросѣ, повидимому, онъ долго не задумывался, будучи убѣжденъ искренно, что въ тароватой Россіи такого добра „куры не клюютъ“, но по первымъ двумъ обстоятельствамъ возникали у него нѣкоторыя сомнѣнія.

По его мнѣнію, въ здѣшней малокультурной странѣ нѣтъ добрыхъ мастеровъ и хорошихъ работниковъ. Ихъ обязательно надо выписать „изъ нѣмецкой земли, гдѣ ихъ довольно, только нужно туда съѣздить“, такъ какъ съ „ними лучше договориться“ тамъ, „нежели когда они принимаются на службу, живучи въ Россіи“, а когда они „выйдутъ въ здѣшнія государства, то будутъ безопасны“, ибо, откровенно выражался онъ, „кто же отъ хлѣба пойдетъ искать хлѣба“.

На первый разъ садоводъ предлагалъ выписать ихъ не меньше 400 человѣкъ, переселивъ въ Кавказскій край на счетъ казны, для чего, по его вычисленію, потребуется не больше 25—30 тыс. руб., чтобы дать имъ возможность на первыхъ порахъ окрѣпнуть и обзавестись всѣмъ необходимымъ.

Деньги эти отнюдь не пропадутъ, пояснилъ онъ, но возвратятся сторицею, ибо чрезъ 10—20 лѣтъ каждый изъ нихъ въ состояніи будетъ „безъ отягощенія“ заплатить помѣщику или казнѣ 10-рублевый оброкъ, чрезъ что „государство приобрѣтетъ отъ 4 до 5 тыс. руб. ежегоднаго дохода“.

Но этого мало, говорилъ дальше Людекъ, такимъ переселеніемъ „будетъ оказано здѣшнимъ подданнымъ особое благодѣяніе“, потому что, видя хорошіе примѣры иностранцевъ въ хлѣбопашествѣ и садоводствѣ, всякій русскій станетъ „стараться производить свои продукты“ по нѣмецкому образцу, „возбудится въ нихъ прилежаніе“ и тогда „всѣ обогатятся“. „Гра-

ницы увеличатся „многолюдіемъ“ и обезопасятся, дороги отъ „всегдашней великой перевозки улучшатся“, что безъ сомнѣнія привлечетъ въ край „партикулярныхъ людей“ и можетъ дать „поводъ къ устройству селеній между Астраханью и Кизляромъ“, къ разведенію полезныхъ растений и развитію другихъ промышленныхъ предпріятій, и тогда не придется русскимъ покупать разныя производства въ чужихъ земляхъ, деньги останутся въ государствѣ и Россія станетъ „обогащаться“.

Такъ заманчиво рисовалъ онъ передъ губернаторомъ на словахъ будущее Кавказа съ приглашеніемъ туда иностранцевъ, однако, личнымъ своимъ примѣромъ не сдѣлалъ ничего такого, чтобы поддержать въ окружающихъ объявленныхъ имъ рачительную способность своихъ родичей.

Выѣхавъ 23 сентября съ великой самоувѣренностью изъ Астрахани на Кавказъ, надѣленный казенными прогонами, около мѣсяца разъѣзжалъ Людекъ по казачьимъ станицамъ, но, увы, подходящаго района для проектированной посадки лѣсныхъ породъ никакъ найти не могъ.

„Я примѣтилъ, писалъ онъ 14 октября ген.-поруч. Бекетову ¹⁾, что отъ Кизляра до Старогладкова ²⁾ мѣстъ къ разведенію не находится, потому что сами казаки мало земель имѣютъ. Между Старогладкова и Новогладкова хотя мѣсто и пространство, однако сторона гористая и для того очень неудобная. Между Новогладкова и Щедрина хотя мѣста хороши, но много оныхъ захвачено Сарафанниковымъ ³⁾, такъ что и для казачьихъ городковъ земли не осталось довольно. Ежели разводить растенія между казацкими городками, то никакого болѣе не остается мѣста, какъ только между Щедринымъ и Червленнымъ. При томъ же оныя мѣста на большей части подвергаемы бываютъ наводненіямъ, чего ради должно дѣлать большія плотины для защиты растений отъ воды. Между Червленнымъ и Моздокомъ хотя довольно земли, однако мѣста не всѣ одинаковой доброты. До Коньковой луки находятся берега высокіе, на которые воду пропустить безъ большой машины никакъ не можно. Калиновая лука очень способна, однако мнѣ оную брать запрещено“.

Наконецъ, Людекъ остановилъ свой выборъ на урочищѣ Донскомъ, въ 30 верстахъ отъ крѣпости Моздокской, хотя тамъ и

¹⁾ Ген.-поруч. Никита Аванасьевичъ Бекетовъ былъ астраханскимъ губернаторомъ съ 1763 по 1772 годъ.

²⁾ Станица Гребенскаго казачьяго войска, какъ и нижеперечисленныя.

³⁾ Т.-е. шелковымъ заводомъ, построеннымъ армяниномъ Сарафанниковымъ.

безъ того произрастали мелкія поросли тальника, лоха и терновника. Но онъ избралъ его потому, что вдоль рѣки „мѣста довольно“ и легко доставать воду, а „ежели растенія размножены будутъ и нужда потребуетъ, тогда можно ее помощью мельницъ проводить до самой степи и оную сдѣлать полезнаю“.

Такъ какъ задача правительства сводилась къ облѣсенію пустыхъ, степныхъ пространствъ, то губернаторъ не согласился съ его выборомъ, предложивъ ему занять участокъ у Старога Городища ¹⁾, между станицами Щедринской и Новогладковской, которое ранѣе было отведено подъ поселеніе тайному совѣтнику Кумани и считалось по плану „наилучшимъ“. Уже кизлярскій комендантъ ген.-маіоръ Потаповъ командировалъ туда инженеръ-прапорщика Семичева, чтобы произвести отводъ и обмежеваніе послѣдняго. Но садоводъ упорно отказался принять его „за отдаленностью отъ воды“. И перешелъ на болотистую съ вредными для культурныхъ произрастаній испареніями, „Рыбную Полянѹ“, лежащую недалеко отъ Кизляра, несмотря на то, что около нея и во всемъ урочищѣ Медвѣжьей Лукѣ, по его словамъ, „къ строенію способнаго лѣса не имѣлось и къ произрастанію, видится, гораздо неспособно противъ урочища Донскаго“.

Не дожидаясь губернаторскаго разрѣшенія, онъ началъ тутъ возводить разныя хозяйственныя приспособленія, заботясь больше о собственныхъ своихъ удобствахъ, чѣмъ о лучшемъ и скорѣйшемъ исполненіи порученнаго ему дѣла.

Сначала онъ построилъ двѣ казармы для рабочихъ изъ плетня, обмазаннаго глиной, потомъ „два жилыхъ покоя“ себѣ съ канцеляріей, отдѣльную поварню, караульную избу для нарочито учрежденнаго тамъ солдатскаго поста, ради защиты предприятия отъ разгрома горцевъ, „магазинъ“ подъ складъ продуктовъ и, наконецъ, оранжерейный домъ для содержанія шелковичныхъ червей и „сбереженія не выносившихъ зимней стужи растеній“, хотя ни того, ни другого въ заводѣ еще не было, а для населенія не представляло никакого интереса культивировать, по его образцу, тѣ произрастанія, которыя не могли выдерживать мѣстнаго климата.

Все время, пока не было приготовлено для него помѣщенія, онъ жилъ въ сосѣднемъ Сарафанниковѣ заводѣ, откуда распоряжался постройкой и полевыми работами, которыя начинались

¹⁾ На этомъ мѣстѣ, какъ полагаютъ, въ 1563 году былъ построенъ кабардинскимъ княземъ Темрюкомъ Айдаровичемъ (тестемъ царя Грознаго) первый русскій городъ на Кавказѣ Терка.

и кончались ежедневно съ нѣмецкой аккуратностью, по звону колокола, нарочито для того выписаннаго имъ изъ Астрахани.

Четырнадцать служащихъ (изъ 37 присланныхъ, по его требованію, губернаторомъ) считались мастерами—столяръ, два кузнеца, 6 плотниковъ и 5 кирпичниковъ, и ни въ какія другія работы не употреблялись, восемь человѣкъ (копіистъ, школьникъ, хлѣбопекъ и пять конторскихъ служителей) составляли какъ бы постоянную свиту садовода, и только пятнадцать остальныхъ производили „планташную“ работу.

Къ маю 1766 года успѣли они, по его указанію, вскопать землю только на протяженіи 50 саж. съ 25 саж. шириной. Часть ея—около 15 грядокъ—Людекъ засадилъ тузовыми зернами, которыя, по его словамъ, дали обильные ростки—„отъ 4 до 5 тысячъ молодыхъ деревцевъ“, кои „черезъ нѣсколько лѣтъ можно будетъ разсаживать въ другія мѣста“. Но изъ посѣянныхъ въ другой части участка только-что полученныхъ 6 мая изъ Петрограда сѣмянъ размарина, лавендуловыхъ и мелиссовыхъ не взошло ни одного, лишь горчичныя зерна произвели „хорошіе всходы“, хотя одни изъ нихъ отъ поздняго времени и чрезвычайнаго жара посохли, а другіе—испортили „насъкомыя твари“ прежде, чѣмъ „могли они придти въ силу“.

Осматривавшій плантацію комендантъ Потановъ нашель тамъ пустое поле. Людекъ оправдывалъ свой неуспѣхъ недостаткомъ инструментовъ и рабочихъ рукъ, ибо, кромѣ вспахиванія почвы, избранное мѣсто приходилось очищать отъ старыхъ пней, камышу и всякаго „дрявгу“ и обводить загородью. При томъ же трое рабочихъ, какъ разъ во время сѣва, убѣждали отъ нѣмецкой педантичности, да и другіе, жаловался онъ, „непрестанно думаютъ о побѣгѣ“.

„Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ сдѣлать сохи, не умѣетъ и владѣть ею, а для планташныхъ продуктовъ нужны люди хорошіе, поняже безъ сего ни хлопчатой бумаги, ни табаку, ни употребляемыхъ въ краску травъ съ пользою развести не можно“,—говорилъ онъ въ своемъ объясненіи. Но губернатору казалось страннымъ, при чемъ тутъ простые рабочіе, когда культура всякихъ произрастаній зависитъ всецѣло отъ почвы, климатическихъ условій и знаній самого руководителя, а не отъ покорной воли низшихъ служащихъ.

Не имѣя еще никакихъ насажденій и не зная увѣренно, привьются ли къ мѣстному краю проектируемыя растенія, Людекъ снова возбудилъ въ ноябрѣ 1766 года предъ Бекетовымъ ходатайство о переводѣ на Кавказъ „для полонія травы, соби-

ранія хлопчатой бумаги, шафрана, пересаживанія табаку и кормленія тутовыми листьями шелковичныхъ червей“,— „бабъ и малыхъ ребятъ“, которыхъ „можно содержать строже“, со- вѣтуя снабдить ихъ на казенный счетъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, сѣменами, провіантомъ и прочими вещами, пока не обзаведутся.

Хотя избранная имъ почва совсѣмъ не годилась подъ дре- весную акклиматизацію, онъ все-таки выписалъ отъ Эклебена сѣмянъ англійскаго и венгерскаго шафрана, бѣлаго тутовника, размариновъ, лавендуловъ, мелиссовъ и горчицы, провансаль- скихъ каперцевыхъ кустовъ, свѣжихъ каштановъ, миндаля въ скорлупѣ разныхъ сортовъ, бразильскаго дерева, миндальныхъ, оливковыхъ, самбуку съ бѣлымъ плодомъ и „всякихъ другихъ плодоносныхъ деревьевъ“ каждаго сорта по два „для употре- бленія на прививку“.

Мало этого, онъ просилъ губернатора: „какъ сказываютъ въ Персіи должны быть шафрановыя луковицы, каштановые, мин- дальные и волошскіе орѣхи, то не можно ли достать ихъ оттуда, отправивъ двухъ человекъ: одного лѣтомъ, другого осенью въ Дербентъ, Баку, Шамаху, Гилянъ и другія мѣста“.

Людекъ требовалъ настойчиво дать ему 4 хорошихъ рабо- чихъ лошадей съ хомутами, 6 ходовъ съ крѣпкими колесами, бочку дегтя, 20 пудовъ желѣза, 1 пудъ стали, 10 косъ, два ящика стеколъ, 100 лубковъ, по 10 фунтовъ желтаго воска, бѣлой сѣры, терпентина и смолы „для пластыря“ и „пару пе- сочныхъ часовъ“; наконецъ, одного хорошаго мельника для устройства мельницы на пилку дубовыхъ досокъ, двухъ вино- градныхъ садовниковъ, одного садовника для прививки черен- ковъ, другого для разведенія полезныхъ травъ и благовонныхъ растений. Для посадки же тутовыхъ деревьевъ онъ совѣтовалъ пригласить армянъ и грузинъ „изъ десятой части“, какъ это дѣлалось въ Сарафанниковомъ заводѣ, отвести мнѣ мѣсто и огородить его.

Ясно было видно, что, не надѣясь послѣ неудачнаго опыта, справиться съ взятой на себя обязанностью, но не желая со- знаться въ томъ открыто, онъ хотѣлъ взвалить весь трудъ на выписываемыхъ имъ спеціалистовъ, оставаясь главнымъ руко- водителемъ дѣла, дабы не лишиться солиднаго вознагражденія и жить въ свое удовольствіе бариномъ. Но Бекетовъ раскусилъ его замыселъ и обо всемъ донесъ въ Петроградъ.

22 декабря 1766 года военная экспедиція представила каби- нету о положеніи дѣла докладъ, по которому оказалось, что вся

затѣя эта, не имѣвшая видимыхъ результатовъ, обошлась казнѣ со всѣми расходами на ея оборудованіе и содержаніе служащихъ въ 1.358 руб. $4\frac{2}{3}$ коп., не считая суммъ, затраченныхъ на покупку и пересылку изъ-за границы сѣмянъ. Деньги тратились крайне безразсудно. Еще не приступая къ работамъ, Людекъ успѣлъ получить въ Петроградѣ отъ Эклебена 80 р. проѣздныхъ и 166 р. $66\frac{2}{3}$ коп. жалованья за майскую треть 1765 года. По пріѣздѣ въ Астрахань ему выдали другую треть, а въ Кизлярѣ еще за треть впередъ.

Конечно, при такихъ непомѣрныхъ затратахъ невозможно было продолжать дѣло съ выгодой для государства, и кабинетъ предписалъ астраханскому губернатору выпроводить „ученаго“ садовода подъ благовиднымъ предлогомъ въ столицу. Но едва ли онъ огорчился этимъ сильно, сумѣвши получить полностью жалованье и за весь 1766 годъ.

Такъ грустно кончилась необдуманная попытка облѣсенія Кизлярской степи, находящейся до настоящаго времени въ первобытномъ состояніи, гдѣ по тощей травѣ, среди полынныхъ стеблей и ползущихъ по землѣ дикихъ каперцовъ, по-прежнему кочуютъ стада каранагайскихъ племенъ да ближе къ Тереку и Прорви разбросались казачьи станицы, культивируя съ грѣхомъ пополамъ, безъ ученыхъ садоводовъ, фруктовыя деревья и виноградъ, дающіе, послѣ хлѣбопашества, большое подспорье ихъ немудрому хозяйству.

II. Улучшеніе Каспійской сельдяной промышленности.

Дельта Волги и Каспійское море съ давнихъ поръ славились своими рыбными богатствами. Еще въ 1704 году, съ цѣлію упорядоченія тамошней рыбной промышленности, Петръ Великій посылалъ туда мастера Везелева съ весьма обширнымъ „наказомъ“. Были попытки и въ послѣдующіе періоды къ усовершенствованію и расширенію этой отрасли государственнаго хозяйства; но всѣ онѣ не имѣли положительныхъ результатовъ, чтобы добываемые продукты могли конкурировать на міровомъ рынкѣ съ иностранными приготовленіями такого рода.

Особенно страдалъ тамъ сельдяной промыселъ. Рыбы ловилось много, а готовить ее для употребленія въ пищу, какъ это дѣлали нѣмцы, бельгійцы и голландцы, у насъ не умѣли. До 70-хъ годовъ XIX столѣтія волжскіе и каспійскіе рыболовы выработывали изъ селедки только жиръ и клей, а все осталь-

ное тѣло, даже икра, выбрасывалось за негодностью, не имѣя сбыта ни въ соленомъ, ни въ копченомъ видѣ.

Горю этому рѣшился помочь князь гр. А. Потемкинъ, назначенный въ 1775 году управлять этимъ обширнымъ краемъ въ званіи астраханскаго, азовскаго и новороссійскаго генералъ-губернатора. Зная, какъ вкусно и умѣло приготавливали эту рыбу голландцы, въ началѣ 1782 года, чрезъ посредство Петроградской банкирской конторы Сутерландъ, онъ выписалъ изъ Голландіи двухъ мастеровъ „селедочнаго дѣла“, братьевъ Франца и Антона Беккеръ (Frans ad Anton Bökker) и отправилъ ихъ въ Астрахань, къ губернатору дѣйст. ст. с. М. М. Жукову ¹⁾.

За какую плату договорились они съ нимъ научить русскихъ „варваровъ“ приготавливать каспійскую сельдь „на голландскій манеръ“, къ сожалѣнію, архивныя данныя не указываютъ того потому что Потемкинъ вызвалъ ихъ не на счетъ казны, а на личныя свои средства.

Само собою разумѣется, по предписанію всемогущаго князя, въ Астрахани оказали имъ самое высокое радушное вниманіе. Для удобства желанныхъ гостей было снаряжено особое судно, прочное и хорошо оснащенное. 23 іюля того же года, въ сопровожденіи мѣстныхъ рыбаковъ и солильщиковъ, съ сѣтями и снастями, выѣхали голландцы на сельдяной ловъ, о которомъ такъ пишутъ сами:

„10 августа (по новому стилю),—переѣхали мы изъ Астрахани на судно (морское) и 18-го отправились въ море“.

„29 августа прибыли къ Мангышлакскимъ берегамъ, гдѣ ловили рыбу разныхъ родовъ, но сельди не ловили“.

„3 сентября пріѣхали въ Дербентъ, но за камнями (?) тамъ ловить невозможно было.

„9 ловили за пять миль ниже Дербента, при устьѣ горныхъ рѣкъ, хотя все наше стараніе полагали, но между многими родами рыбъ сельди найти не могли“.

„16 сентября подвинулись они дальше по берегу къ г. Баку, потомъ 23 числа были у Зензелинскихъ береговъ (въ Персидскихъ владѣніяхъ), объѣхали на шлюпкакъ все морское побережье до самого Екатериненполя, а сельдки все-таки не нашли. Тогда 19 октября они повернули обратно къ „Зелліяны“ (Сальяны), „разсматривали всѣ водненія и рѣки, но между многими рыбами не отыскали ничего, кромѣ шемаи, изъ которой и насолили 4 боченка „для пробы“. „Признаемся, какъ честные люди, что

¹⁾ Михаилъ Михайловичъ, съ 1781 по 1786 г.

лучше того приготовить намъ не возможно. Однимъ словомъ въ этомъ морѣ сельди не находится“.

Между тѣмъ имъ не было никакой надобности ѣхать къ Мангишлаку, въ Баку и Энзели, когда селедка громадными стаями подымалась отъ Дербента и заполняла въ весеннюю пору, съ марта до іюля, всѣ волжскіе и терскіе рукава. Патентованные рыбаки легко могли бы обрѣсти ее даже въ самой Астрахани, не выѣзжая въ море, гдѣ они пробыли безъ всякой для дѣла пользы до 6 марта слѣдующаго года, закончивъ свою миссію 18 числа этого мѣсяца. 10 апрѣля, наконецъ, надумали они подать губернатору письмо, прося дать „ордеръ, что дѣлать имъ дальше“

Тѣмъ временемъ, получивъ отъ нихъ изъ Сальянъ просоленную шемаю, Мих. Мих. послалъ два боченка съ курьеромъ къ свѣтлѣйшему на „апробацію“, испрашивая дальнѣйшихъ указаній, какъ поступить съ присланными иностранцами. Князь, видимо, понялъ, что попалъ въ просакъ, когда получилъ губернаторское донесеніе и попробовалъ приготовленную „честными людьми“ въ лучшемъ видѣ „на манеръ голландской селедки шемаю“. Съ тѣмъ же курьеромъ онъ предписалъ Жукову (отъ 3 апрѣля 1783 г.).

„Не находя нужнымъ пребываніе въ Астрахани состоящихъ тамъ сельдяныхъ двухъ рыбаковъ, вашему пр-ву поручаю отправить оныхъ въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ они могутъ, въ случаѣ отсутствія моего, адресоваться къ банкиру Сутерланду, которому объ нихъ дано отъ меня знать“.

10 мая 1783 г. голландцы покинули наконецъ гостепріимную Астрахань. Содержаніе ихъ со всѣми накладными расходами, по приготовленію судна, лодокъ, сѣтой и снастей, обошлось губернской канцеляріи въ 970 руб.

Этимъ, однако, селедочная эпопея не кончилась. Въ слѣдующемъ году были выписаны изъ Архангельска природные русскіе мастера „селедочнаго дѣла“. Послѣдніе, однако, не столько учили волжскихъ и каспійскихъ рыбаковъ посолу рыбы, сколько сами учились употреблять бывшую тогда въ большемъ распространеніи тамъ виноградную водку, извѣстную подъ именемъ „Кизлярки“.

Селедочной премудрости астраханцы научились потомъ сами, когда, благодаря уменьшенію лова рыбы, тѣло ея, помимс клея и жира, приобрѣло цѣнность. Нынѣ и они умѣютъ выдерживать селедку въ выходахъ такъ, что вкусомъ она ничуть не уступаетъ голландской, а по цѣнѣ даже дороже ея.

П. Л. Юдинъ.